

Марго  
Лаванда

*Я тебя*  
**НЕ ЗАБЫЛА**

ДЕВОЧКА ИЗ ПРОШЛОГО

18+

# Марго Лаванда

## Я тебя не забыла

*<https://litres.ru/74614227>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Я всегда была пешкой в чужих играх. Отец-криминальный авторитет выдал меня замуж за жестокого бизнесмена Рената Горячева. Сейчас я — беглянка с ребёнком, прячущаяся от мужа, который нанял киллера, чтобы избавиться от меня. Единственный шанс на спасение — маленький посёлок, где живёт подруга детства. Но я подумать не могла, что встречу там мужчину, в которого была влюблена шесть лет назад. И от которого у меня тайна. Правда может всё разрушить. Или подарить надежду.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 4  |
| Глава 2                           | 14 |
| Глава 3                           | 27 |
| Глава 4                           | 37 |
| Глава 5                           | 42 |
| Глава 6                           | 46 |
| Глава 7                           | 50 |
| Глава 8                           | 55 |
| Глава 9                           | 61 |
| Глава 10                          | 68 |
| Глава 11                          | 73 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 75 |

# Марго Лаванда

## Я тебя не забыла

### Глава 1

— Потерпи, сынок, мы почти на месте.

Голос срывается, стараюсь говорить бодро, но Пашка все равно чувствует мою дрожь. Он не жалуется, только сильнее сжимает мою ладонь своей маленькой, горячей рукой. Он кашляет: сухо, надрывно, и эти звуки каждый раз режут меня по живому. Прижимаю сыночка к себе, чувствуя, как он весь дрожит от усталости.

— Ты сто раз уже сказала, что пришли, — ворчит ребёнок, но без злости, просто вымученно.

Ему шесть с половиной, а он уже научился терпеть. Научился не плакать, даже если мама плачет. И не задавать лишних вопросов. Я ненавижу себя за это. Я обязана защищать его, делать его жизнь безопасной, а в итоге что? Сама едва жива от стресса и усталости.

Зрение плывет, когда пытаюсь разобраться в карте на телефоне. Пальцы дрожат, экран покрылся каплями дождя и смазывается, но я всё равно смотрю, вглядываюсь в знакомые и одновременно чужие очертания улиц. Я слишком долго не приезжала в эти места. Они как призрак далекого прошлого.

Мы почти на месте, я не могу ошибиться. Двое суток в пути: сначала такси, потом поезд, потом старенький, дребезжащий автобус, от которого у меня до сих пор звенит в ушах.

Я родилась в этом маленьком городке. Отсюда родом моя мама. Здесь я проводила школьные каникулы у бабушки и дедушки — в их старом доме с палисадником, где пахло яблоками и мокрой травой. Это было самое счастливое время в моей жизни. Бабушка умерла, когда я училась в одиннадцатом классе. Дедушка — чуть больше пяти лет назад. Я не навещала его последний год его жизни и стыд за это будет со мной всегда. Даже не была на его похоронах, потому что в тот день родился мой сын.

Сейчас мне нужно найти Ларису, подругу детства. Я потеряла связь, когда вышла замуж. До этого мы всегда созванивались, переписывались. Лариса вдруг замолчала — ни весточки. Я слишком поздно поняла что это все устроил Ренат. Зашел в мой телефон и заблокировал всех кто ему не понравился. Особенно “провинциалов”. Оставил только столичный круг общения. Я тогда была в ярости. Но он просто

снес мой аккаунт, а потом и вовсе забрал телефон... Думаю Лариса очень обиделась. Может даже решила, что я зазналась. Сейчас я не знаю, простит ли она меня. Но очень надеюсь, что она не переехала. Просто потому что больше мне рассчитывать не на кого.

Кажется, вот этот переулочек. Или соседний? Ноги заплетаются от усталости, перед глазами всё плывёт. Мне так плохо, что кажется, если остановлюсь — упаду и не встану. Но я не могу себе этого позволить.

Пашка снова начинает кашлять, а меня всё сильнее захлестывает отчаяние.

— Мы почти пришли. Сейчас попросим Ларису заварить тебе горячий чай.

— Ты это уже говорила, мам.

Мой бедный малыш. Как назло простудился, ему бы в постели сейчас лежать.

Обнимаю его, чувствуя, как он весь дрожит. Но он отстраняется. Не любит нежности. Он у меня настоящий мужчина. Хотя ещё такой маленький. И снова кашель — глухой, надрывный. В груди становится так пусто и холодно, что хочется завывать. Но я не могу дать слабину.

Это вопрос жизни и смерти.

Тропинка резко виляет в сторону, я бессильно приваливаюсь к стволу старого тополя, чувствуя, как кора царапает спину даже через плащ. Меня ведёт от усталости и отчаяния. Скоро ночь! Что, если мы не найдем дом Ларисы? Что, если она не откроет? Или её здесь уже нет? Я ведь ни в чём не могу быть уверена!

Новый всхлип вырывается из груди. Плечи трясутся. Закусываю губу, чтобы не разрыдаться. Нельзя давать волю слабости.

И тут — о чудо, выросшая перед нами калитка кажется знакомой! Такая же старая и покосившаяся, с облупившейся синей краской. Калитка, которую я тысячу раз открывала в детстве, когда прибегала к Лариске, а её бабушка угощала нас пирожками.

В груди впервые за последние дни что-то отпускает. Почти бегу вперёд, таща за собой Пашку. Калитка заперта изнутри, но на створке висит старенький звонок — железная тарелка, к которой привязана веревка. Я дергаю за неё, и по переулку разносится резкий, дребезжащий звон. Да, точно, всё как в детстве! Просто уму непостижимо, как он сохранился?

Пашка вздрагивает, прижимается ко мне.

Из-за забора доносится сначала низкое, предупреждающее ворчание, а затем — раскатистый, басовитый лай, от которого у меня внутри всё обрывается. Я вижу огромную, лохматую тень, которая с разбегу налетает на калитку, — кавказская овчарка, не меньше пятидесяти килограммов шерсти и мышц. Пасть оскалена, желтые клыки мелькают в сумерках. Псина бьёт лапами в створку, и та ходит ходуном. Кажется, ещё немного — и она вышибет её вместе с петлями.

Пашка вскрикивает и цепляется за мою ногу, пряча лицо в складках мокрого плаща.

— Ма-ам, она нас съест! — пищит запинаясь, в голосе паника.

Я сама напугана не меньше, прижимаю сына к себе, отступаю назад, меня трясет, колотит, и я готова разрыдаться от бессилия. Собака лает так громко, что этот звук перекрывает даже бешеный стук моего собственного сердца. Она прыгает, скребёт когтями по деревяшкам, доски прогибаются.

— Лариса! — кричу из последних сил, сначала тихо, потом громче. — Лариса, открой! Это я, Эвелина! Лариса, по-

жалуйста!

Собака лает еще яростнее.

— Зевс, фу! Фу, я сказала! Ко мне!

Собака мгновенно замолкает, но продолжает рычать. Шорох, грохот, звяканье цепи, а потом наконец крупная женская фигура выходит на крыльцо. В тусклом свете фонаря вижу женщину в халате, с растрепанными волосами. Она щурится, пытаясь разглядеть нас.

— Кто там? — голос сонный, но настороженный. — Чего надо? По ночам бродите, людям отдыхать не даёте!

— Лариса, это я, — мой голос срывается. — Эвелина. Помнишь меня?

Мне ужасно стыдно произносить эти слова. Чувствую себя нищенкой, побирuşкой. Но я на все готова ради сына. Пауза длится несколько секунд. Собака продолжает рычать, но уже совсем тихо и беззлобно. Она словно прислушивается к происходящему. Лариса (всей душой надеюсь что это она) подходит ближе, разглядывает меня — удивлённая, встревоженная, но в её глазах я вижу узнавание.

— Эви? — произносит с изумлением. — Ты?! Откуда ты здесь взялась на ночь глядя?

— Ларис, привет, — нервно облизываю пересохшие губы.  
— Мне очень нужна помощь...

— Помощь? — щурится старая подруга. — Да чем же я могу помочь московской богачке? Вот уж удивила так удивила! Вышла замуж за столичного красавчика, зазналась. На свадьбу не пригласила. На сообщения отвечать перестала а потом и вовсе в бан кинула. И вот явилась не запылилась! Чего случилось то? К корням потянуло? Или поругалась с благоверным? И вот нате вам счастье великое, про подружку вспомнила! Очень мне приятно!

Голос подруги всё выше и пронзительнее, теперь узнаю ее окончательно, хотя она сильно изменилась. Стала гораздо взрослее. Располнела. Хотя худышкой Лара никогда не была. Зато взрывной характер тот же — ничего в себе не держит, сразу вываливает все, что чувствует.

Пытаюсь даже улыбнуться, Лара продолжает высказывать обиды, а у меня все сильнее голова кружится.

— Не кричите на мою маму! — заявляет вдруг мой сынок и тут же закашливается.

— Ох, ну ничего себе! — ошеломленно хлопает глазами Лариса. — Это что у нас тут за защитник нашёлся?

Она смотрит на Пашку, на его бледное лицо, слышит надрывный кашель — и её глаза становятся теплее.

— Это мой сын, Павел, — сжимаю его плечо.

— Ну ты даёшь, Эви, — трясет головой старая подруга. — Умеешь разогнать сон подчистую. А я так устала на фабрике. Просто никакая была. Не хотела выходить, пусть бы Зевс хоть сожрал гостей незваных. Шучу, малыш, — тут же поправляется. — Зевс добрый и никого не ест. Он очень умный и послушный. Ладно, ночь на дворе почти, в дом идемте. Я одна, муж на рыбалку с мужиками отправился. Так что скучно мне, пожалуй, выслушаю вашу историю.

— Мы очень голодные, — нескромно заявляет Паша. А у меня щёки от стыда горят. И правда побирушка...

— Вот оно как? — упирает руки в бока Лариса. Она сильно изменилась. Я, возможно, и не узнала бы ее, если бы на улице встретила...

Как назло, дождь становится совсем сильным. Мы почти бежим уже к дому.

— Заходите! Быстро, быстро. Ох, Эви, ты ледяная! — дотрагивается до моего предплечья Лариса. — Вы вообще сколько гуляли-то? Погода такая... До костей промерзла и сына заморозила. Я сейчас чайник поставлю. Вот тут берите полотенца. Так вам переодеться надо. Халаты, сейчас.

Лариса приносит мне махровый халат, сыну — теплую мужскую рубашку, она ему как платье. Даёт мне мягкие пушистые тапочки, а Павлу — шерстяные носки.

Я оглядываюсь по сторонам. В прихожей, конечно, многое изменилось, но в то же время и прежнего немало. Даже печка осталась! И от нее такое тепло уютное исходит! Касаюсь её ладонями и впервые за двое суток позволяю себе выдохнуть. Пашка прижимается ко мне, уткнувшись носом в живот.

— Мам, я хочу есть и спать, — шепчет хрипло, и его голос звучит так жалобно, что у меня снова перехватывает горло.

— Сейчас, сыночек. Сейчас мы выпьем горячего чая, и ты ляжешь спать. Обещаю.

Проходим дальше, в кухню. Здесь пахнет старым деревом, мятой и выпечкой. Я вспоминаю, как мы играли с Ларисой, сидя на печке, придумывали разные истории, кукол наряжали. Самые беззаботные моменты моей жизни...

Я никогда не думала, что вернусь сюда вот так — разбитая, опустошенная, с ребёнком, бегущая от мужа.

## Глава 2

— Садитесь, гости дорогие, — хлопочет Лариса. — Я сейчас всё на стол соберу.

Она ловко накрывает на стол: деревенская еда, всё домашнее, простое. Хлеб, сало, вареная картошка, колбаса, масло, варенье из смородины, тарелка с сыром. Беру кусочек, пробую и закрываю глаза от удовольствия.

— Ммм... Боже, какой вкусный, — выдыхаю я, чувствуя, как теплый, сливочный вкус тает на языке. — Такого даже в Москве не купишь.

— Это наш, местный, — улыбается Лариса с гордостью. — Я ж там работаю, на Молзаводе. Полгода уже как сыр в масле, — хихикает. — Хозяин новый все возродил, спас предприятие. Раньше один развал был, то что производили — стыд сплошной, а сейчас — лучшее производство в области. Самый вкусный сыр, творог, масло. Ты не представляешь, как здесь всё изменилось, Эви. Завод — это теперь наша гордость.

— Просто замечательно, — улыбаюсь.

Пашка ест жадно, будто голодал неделю. Наворачивает тёплый хлеб с маслом, запивая молоком, и даже не поднимает головы от тарелки. Я смотрю на него и впервые за долгое время чувствую что-то похожее на покой.

Лариса хлопочет у печки, поглядывая на мальчика с умилением, но вот он снова закашливается и подруга хмурится:

— Он так кашляет, Эви. Я сейчас отвар сделаю, отхаркивающий. У моей бабушки всегда был такой рецепт. И компресс надо — на грудь и на спинку. Согреет, легче будет.

Я киваю, чувствуя, как благодарность сжимает горло. Слова застревают где-то внутри, не находя выхода.

Лариса колдует над кастрюлей, что-то бормочет, заваривает травы, достаёт чистую марлю. Компресс пахнет мятой и чем-то горьковатым.

— Такс, надо уложить молодого человека. Давай на печку? Лучшее лекарство от простуды! Вроде температуры нет у него.

Помогаю ей укутать Пашку, который не сопротивляется, только смотрит на меня сонными глазами, шепчет: «Мам, я спать».

Укладываем его на печку, накрываем пледом до самого подбородка, и сын мгновенно проваливается в глубокий сон. Возвращаемся за стол.

Пью горячий чай с вареньем, и мне так хорошо в эту минуту, что хочется ее продлить как можно дольше. Неужели я смогу начать все заново?

Я никогда не думала, что вернусь сюда вот так — разбитая, опустошенная, с ребёнком, бегущая от мужа.

— Ты даже не представляешь как я тебе благодарна.

— Да перестань, Эви, — улыбается подруга, но улыбка неловкая, грустная. — Мне немного стыдно что сначала я вас не очень приветливо встретила. Обижалась я на тебя долго. Думала ты меня вычеркнула просто потому что я не подхожу в подруге столичной красоте.

— Это не так. Пожалуйста, не думай так!

— Ладно, проехали. Станет завтра легче пацаненку, — переводит тему. Меня бабушка этому компрессу научила.

Я смотрю на Пашку. Он дышит ровно, без кашля. Это такое облегчение!

— Спасибо тебе, — повторяю глухо. — Не знаю, что бы я делала без тебя. Правда.

Лариса молчит, потом встаёт и достаёт из шкафа початую бутылку коньяка.

— Думаю, нам обоим не помешает, — говорит, разливая напиток в две граненые рюмки.

Мы молча выпиваем. Коньяк обжигает горло, разливается теплом по груди.

— Красивый сынок у тебя, — говорит тихо подруга. — А заступник какой! Я смотрела на него, и аж сердце сжималось. Замечательный парень!

Ничего не отвечаю, только тепло улыбаюсь. Да, мой Паша — настоящее чудо. Я так его люблю! Только он заставляет меня продолжать бороться.

— Знаешь, мне стыдно признаться, — продолжает подруга, и понижает голос почти до шепота. — Мне... аж завидно стало.

Смотрю на нее изумленно. Завидно? Я пришла к её калитке как бродяжка, мокрая, грязная, с больным ребёнком на руках, а она говорит мне о зависти?

— Ларис...

— Постой, дай договорить, — перебивает, сжимая рюмку. — Я не могу иметь детей. Сколько ни пытались с Лешкой. Потом по врачам таскались, в областной центр ездили, анализы сдавали, уколы кололи, все бесполезно. Врачи сказали я бесплодная.

Она выдыхает, ее подбородок дрожит.

— Теперь вот думаем, обсуждаем, может, из детдома взять ребенка. Но Лешка категорически против. Не хочет он так...

Лариса замолкает, за окном шумит дождь. Беру ее руку в свою, сжимаю.

— Прости, — шепчет она. — У тебя свои проблемы, а я тут...

— Ларис, — перебиваю я. — Спасибо, что ты поделилась. Мне очень жаль. Но может правда взять малыша, потерявшего родителей — хорошая идея. Мне так кажется.

Она кивает, и слезы текут по ее щекам.

— Твой Пашка такой смуглый, волосы черные, — говорит Лара, вытирая лицо ладонью. — И глазки темные. На тебя не похож совсем. Ты ведь светлая.

Я замираю. В груди становится тесно.

— Наверное, в отца, — замечает Лариса, голос у неё становится мягче. — Я не хочу тебя пытаться, Эви, но как ты на

моём пороге оказалась? Я, если честно, умираю от любопытства. Что могло произойти? С мужем поругалась? Изменил он тебе? Так это не конец света.

— Если бы только изменил, — отвечаю глухо, внутри поднимается тяжелая, липкая волна.

Она смотрит на меня удивленно, непонимающе. Потом наливает еще по стопке, не спрашивая, протягивает мне. Я беру, выпиваю залпом.

— Мой муж хочет меня убить, — произношу едва слышно, и так легко, что сама себе удивляюсь.

Лариса застывает с рюмкой у губ. Глаза у неё становятся круглыми, она ставит рюмку обратно на стол, даже не отпив.

— Что ты несёшь?! — голос у нее срывается на шепот. — Эви, я не понимаю! Ты же шутишь, да?

— Увы, нет. Это правда. Поэтому мне пришлось бежать из дома. Ренат... Он на что угодно способен. Он очень жестокий. И сейчас я стала ему мешать.

Замолкаю, глядя в стену. Перед глазами встаёт сцена моего последнего дня в нашем с мужем доме. Ренат был категорически против чтобы я работала. Тем более, что сразу по-

сле свадьбы я уже была беременна. Он высмеивал мою профессию.

*Биолог? Это вообще кто? Чем ты можешь заниматься? Букашек изучать?*

— Он совсем придурок?! — в сердцах восклицает Лариса.  
— Прости. Больше не перебиваю!

— В общем Ренат не позволял мне работать. Но после того как сыну исполнилось два года, я встретила случайно свою однокурсницу, и она пригласила меня в благотворительную организацию. Это мужу тогда понравилось, и отцу тоже. Они как раз увлеклись темой помощи нуждающимся. Разумеется это было для них не бескорыстным порывом, а скорее прикрытием их делишек, — морщусь. — Я с самого начала не питала иллюзий. Даже по поводу отца они остались в глубоком детстве.

— Да уж, помню твоего папаню, — сочувственно кивает Лариса. — В нашем районе о нем с теплом никто не вспоминает. Бандитом он был.

Лариса права. Мой отец тоже родом из этих мест, но не любит об этом вспоминать. Он давно сжег все мосты с этой провинцией, забыл, откуда вышел. Сейчас стал крупным чиновником, давно живёт в столице.

Мама была несчастна с ним. И когда ее не стало, я оказалась в аду. Жила как в тюрьме. Кто-то назовет это иначе — золотой клеткой. Дорогая еда, наряды, книги — и полное отсутствие свободы. Каждый твой шаг контролируется. Един-

ственное послабление — отец позволил мне получить профессию. Но это мамина заслуга. Она буквально выбила из него это разрешение. Убеждала долго. А потом он сказал что я могу повесить свой диплом в рамочку на стену — для красоты. И выбрал мне мужа. Просто сделка. Мы с Ренатом никогда не были влюбленной парой. Просто у него с моим отцом были общие дела. Явно криминальные. Я не могла отказаться от этого брака. Но сейчас понимаю, что бежать надо было тогда...

Рассказ мой сумбурный, перескакиваю с одного на другое, а из глаз текут слезы. Лариса встает, подходит, обнимает меня.

— Понятно теперь, почему ты пропала. Не общалась.

— Ренат всех удалил...

— Бедная моя подруга!

— В общем, мое мнение не спрашивали, Ларис. Отец запер в комнате, и сказал что не выйду пока не дам согласие на брак.

Подруга смотрит на меня, и я вижу, что она не знает, что сказать.

— Но я видела фото твоего мужа, — говорит она тихо, будто оправдываясь. — В интернете. Он довольно привлекательный мужчина. Я думала, что ты счастлива. Почему ты не хотела за него замуж? Ты же не могла знать заранее что он

плохой?

— Я его не любила, — горькая усмешка кривит губы. — А еще он был грубым, садистом. Он был жестоким, Ларис. Мог ударить, мог унижить словами, мог смотреть так, будто я — пустое место. Но самое страшное было, когда он ударил меня беременную.

Лариса закрывает лицо руками.

— Эви, — шепчет она. — Господи, Эви.

— Я приехала домой внепланово, днем, забыла документы с которыми работала, — возвращаюсь в день побега. — Голова раскалывалась, я плохо себя чувствовала, вот и забыла. Не сразу поняла, что Ренат дома. Обычно он в такое время был у себя в офисе. Или в своем любимом ресторане. Или у какой-нибудь бабы. Я не ревновала его — наоборот, было плевать. Лишь бы ко мне не лез. Пашка был в это время с няней в бассейне. У него было строгое расписание. Разные занятия, частные учителя. Я должна была туда подъехать через час и забрать сына на обед. Потом отвезти на английский. И вот когда я уже почти дошла до своей комнаты, я услышала голоса. Замерла. Они приближались, я юркнула в библиотеку. Не хотела встречаться с мужем. Я не могу объяснить что меня заставило спрятаться за занавеской. А они вошли...

Говорили громко, не стесняясь.

— Ты же знаешь, почему я на ней женился, — голос Ре-

ната, холодный и циничный.

— Из-за её папашки? — ответил женский голос с усмешкой.

— Естественно, это единственная причина. Она — просто инструмент. И теперь он стал для меня бесполезен. Даже наоборот, мешает. Эта кукла мне больше не нужна. Она надоела мне, раздражает.

— Какой ты опасный, милый.

— Я сделаю все чисто, чтобы никто не докопался. Уже нашел исполнителя. Будет дорого, но эффективно. А потом ты переедешь сюда, киса моя.

Я стояла, прижав ладонь к губам, чтобы не закричать. Ренат говорил так спокойно, будто обсуждал, что заказать на ужин. Он уточнял детали: как лучше инсценировать несчастный случай.

А слушающая его женщина смеялась...

Потом они ушли. Хлопнула входная дверь. Я была в дикой панике. Схватила документы, немного денег, увы пароль от сейфа мужа я не знала. Я вообще жила как в прострации эти годы замужества. Ни к чему не готовилась. И теперь такой идиоткой себя чувствовала! Раньше меня только сын интересовал. Я жила только им. Но стало ясно, что я совершила огромную ошибку!

Схватила сумку и поехала за сыном. И мы сбежали. По дороге я многое переоценила. Что была глупой и наивной. И что обратиться мне попросту не к кому...

Поднимаю глаза и смотрю на Ларису. Она молчит, сжимая мою руку, и я вижу, как в её глазах плещется ужас.

— Эви... Такое только в кино бывает! Как же так!

— Я теперь мешаю Ренату. Уж не знаю чем. Но он привык добиваться своего. Если он найдёт нас... — мой голос дрожит.

— Не найдёт, — перебивает Лариса. — Никто тебя здесь не тронет. Надо дать ему понять, что ты знаешь о его планах! Написать заявление в полицию! А твой отец? Ты же его дочь! Он не защитит тебя?

— Мой отец способен только меня использовать в своих интересах. Подозреваю, что Ренат его шантажирует.

— И что ты собираешься делать? — мягко спрашивает Лариса. — В смысле, ты конечно можешь жить у меня сколько захочешь! Я только рада буду!

— Я не хочу долго пользоваться твоей добротой.

— Ой, перестань, Эви!

— Хочу узнать, кто купил дом деда. Туда переехать. Ты не знаешь кто теперь владелец? Найду работу и сниму его. И про заявление о том, что муж хочет меня убить, ты правильно подсказала. Я так и сделаю. Не знаю поможет или нет...

— Ох, Эви, дом твоего деда — развалюха, — качает головой Лариса. — У меня оставайся, живи сколько захочешь!

— Значит, сдадут дешево.

— Ладно, все по мере поступления решим. Для начала надо про работу подумать. Хочешь к нам на завод? Раз ты

биолог — точно пригодишься.

— Было бы классно.

— Вот и отлично. Устроим. Про владельца дома узнаю. А теперь давай спать. Ты выглядишь так, будто тебя неделю не кормили и сейчас прямо на глазах упадешь. Постелю тебе в комнате для гостей.

— Я сына к себе заберу...

— Пусть на печке выпится. Там теплее.

— Тогда рядом лягу.

— Хорошо, мамаша, как скажете, — улыбается Лариса, но я вижу, как она сдерживает слёзы.

Я иду к Пашке, ложусь рядом с ним на печку, обнимаю его, чувствую его ровное дыхание. Он просыпается на мгновение, смотрит на меня сонными глазами и снова засыпает, доверчиво прижимаясь ко мне.

— Мам, — слышу вдруг его сонный голос из темноты.

— Спи, любимый, — шепчу, поворачиваясь к нему.

Пашка прижимается щекой к моему плечу, доверчиво и беззащитно. Я обнимаю его, прижимаю к себе.

Смотрю в потолок и думаю о том, как мало нужно чело-

веку для счастья. Тёплый дом, друг, который готов слушать и не осуждать, ребёнок, который дышит ровно и спокойно, не кашляет.

Закрываю глаза и проваливаюсь в сон, впервые за долгие годы чувствуя, что утро может принести не только страх, но и надежду.

## Глава 3

Я открываю глаза и сначала не понимаю где нахожусь. Тепло ноет от жесткой поверхности на которой лежу. Где я? А потом все вспоминаю. Я одна, где мой сын?

Пулей слезаю вниз и чуть не врезаюсь в Ларису.

— С добрым утром, беглянка, — приветствует меня подруга бодро. — Наследный принц уже давно проснулся. Голодный был как волк, уже позавтракал. Сейчас и тебя накормлю.

— Доброе утро, Ларис. Паша! Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю подбегающего ко мне сына.

— Нормально! — заявляет сынок. — Хочу с Зевсом познакомиться.

— Я ему обещала, — улыбается Лариса.

— Это потом, ладно? И надо быть аккуратным.

— Пока умывайся и есть садись, потом на завод поедем. На работу тебя устраивать. Я уже своей подружке написала что с новенькой приду, она в отделе кадров работает. Она сказала, что есть вакансии — и для тебя найдётся. Если ты, конечно, не передумала.

— Конечно нет, — выдыхаю. — Мне нужна работа. И тебя стеснять мы не станем.

— Ой, да перестань, — отмахивается. — Пашу можно с

соседкой оставить. Она через дом живет. Роза Гавриловна. Она добрая, у неё внуки, она с детьми умеет ладить. Я сейчас позвоню и отведем туда твоего пацана. А еще у нее котята, месячные. Так что не скучно будет. Хочешь посмотреть на котят? — обращается к Паше.

— Да, очень!

— Вот и славно.

Мы выходим из дома и Пашка испуганно замирает. Зевс лежит у будки, положив голову на лапы. Он огромный — даже лёжа кажется глыбой. Пашка делает шаг назад.

— Он не кусается, — говорит Лариса, выходя следом. — Он только лает, когда чужие. А к своим он очень добрый.

— А я не чужой? — тихо спрашивает Пашка.

— Ты свой, конечно же, — Лариса кладёт руку ему на плечо. — Хочешь познакомиться? Протяни руку. Пусть понюхает.

Пашка нерешительно тянет ладонь. Зевс поднимается, обнюхивает его пальцы, потом лижет — шершавым, тёплым языком. Пашка вздрагивает, а потом улыбается.

— Он меня лизнул!

— Он тебя принял. Теперь ты его друг. А теперь — знакомиться с Розой Гавриловной и ее внуками. Дел сегодня просто куча.

— Прости что мы тебя так напрягаем, — вздыхаю. Чувствую стыд и беспомощность.

— Ох, прекрати, Эви, я же совершенно не к этому сказала!

Через час мы идем по утреннему посёлку. Дождь наконец кончился, и солнце пробивается сквозь облака. Земля влажная. Воздух тут потрясающий. Пахнет мокрой травой и сыростью, и на мгновение мне кажется, что я снова та девочка, которая приезжала сюда на каникулы.

— Ты не представляешь, какой у нас теперь завод! — щебечет Лариса. — Босс такой молодец! Всё переделал, оборудование новое, цеха чистые, как в больнице. Раньше было страшно заходить — пыль, грязь, оборудование старое, молоко прокисшее. А сейчас — красота. И зарплату платят вовремя, и в цехах тепло, и обед у нас в столовой — пальчики оближешь. Он сам всё контролирует, каждую мелочь.

Я слушаю, но мысли заняты другим. Дом деда. Мысленно возвращаюсь к нему, к тому старому дому с палисадником. Если бы я могла снять его — я бы чувствовала себя на своей земле. Я должна узнать, кто его купил. Может быть, там ещё можно жить? Хотя бы для начала. Пашу мы завели к сосед-

ке, очень приятная старушка, Лариса нас познакомила. Там в доме оказалось что двое мальчиков, внуков Розы Гавриловны, Пашиного возраста. Так что он остался с огромным удовольствием. Надеюсь, подружатся.

— Ты слушаешь меня? — Лариса останавливается и заглядывает мне в лицо.

— Да, прости, — говорю я, улыбаясь. — Я просто задумалась.

— Понимаю, — кивает она. — Все будет хорошо. Увидишь. Идем на автобус, тут недалеко ехать, иногда пешком хожу, три остановки. Но сейчас не успеем.

Завод действительно оказался большим, светлым зданием. Всё аккуратно покрашено, на газонах высажены цветы.

— Сразу идем к Марине! — заявляет Лариса.

Отдел кадров, нас встречает женщина лет пятидесяти, очень приветливая. Лариса начинает рассказывать обо мне, о моем высшем образовании и так хвалит что мне неловко становится.

— К сожалению, я не могу нанять вас как биолога, — удрученно качает головой Марина Николаевна. Такими должностями занимается только босс. Это слишком серьезно и нужны рекомендации. Технолог на месте, лаборатория сейчас укомплектована. А вот упаковщицы всегда нужны.

— Я согласна, — киваю. — Мне нужна любая работа.

— Вот и славно. Люди хорошие нам всегда нужны.

Улыбнувшись, женщина протягивает мне документы на подпись.

— Ну, Лариса тут все вам покажет. Работа не сложная.

Цех встречает нас гулом машин, запахом молока и прохладой. Женщины в халатах и шапочках двигаются между столами, упаковывая продукцию. Меня ведут к столу, представляют сотрудникам, правда имен я не запоминаю. Объясняют, что делать.

— Я в соседнем цехе работаю, на проверке. Увидимся в обеденный перерыв, — говорит подруга и я киваю.

— Значит, ты новенькая? — подходит ко мне ярко окрашенная молодая брюнетка. — Смотрю не очень у тебя получается.

— Лен не лезь к ней. Что за дедовщина? — бурчит полная блондинка за соседним столом. — Не обращай внимание, — подходит ко мне и понижает голос. — Лена терпеть не может красоток, хочет быть одной звездой на заводе и имеет виды на босса.

— Что ты там бормочешь? — кривит губы Лена, снова оглядывая меня с ног до головы с таким видом, будто я пятно на её белом халате.

— Ничего, дорогая. Новеньких надо поддерживать, я считаю. Меня кстати Валя зовут, — улыбается мне блондинка. — Давай еще раз покажу как надо.

— Спасибо большое.

— Ты Ленку не бойся. Она просто вредная.

— Я уже поняла. Как ей дать понять что ни на каких боссов я видов не имею? Мне просто очень нужна работа.

— Да устанут все. Не переживай.

— Спорим эта неженка тут на день всего? — слышу снова голос Лены.

По цеху проносится смешок. Сжимаю зубы, стараясь не показывать, что меня это задевает.

Неприятный взгляд брюнетки я чувствовала на себе до самого обеда. Еще кажется я не понравилась начальнице цеха, Галине Михайловне. Та постоянно подходила и критиковала, подгоняла.

К обеду я уже устала до дрожи в коленях, но продолжала работать.

— Все, перерыв у нас час. Пообедаем, кофе выпьем. Тяжело, да? Привыкнешь.

— Привыкну конечно, — улыбаюсь.

— Все, перерыв у нас час, — говорит Валя, стягивая шапочку. — Пообедаем, кофе выпьем. Тяжело, да? Привыкнешь.

— Привыкну конечно, — улыбаюсь, хотя спина ноет, руки дрожат, а ноги гудят.

Мы уже собираемся идти в столовую, когда в цех забегают Лариса.

— Эви! — она обнимает меня. — Ты как?

— Нормально она. Молодец, — отвечает за меня Валя.

— О, вы уже подружились? Отлично.

— Да, пришлось заступиться, — кивает Валя. — Наша красотка Леночка уже начала её заклеивать.

— Серьезно? — Лариса закатывает глаза. — Ты её не слушай, Эви. Она всех новеньких пытается сожрать, особенно если девочка красивая. У неё самой, видите ли, виды на босса. А он на неё и не смотрит.

— Это точно, кому она нужна, выдра, — добавляет Валя.

— Да ну ее нафиг. Пошли обедать, — Лариса берёт меня под руку.

Мы идём в столовую. Я чувствую что ужасно проголодалась. Лариса и Валя идут впереди, я за ними. Нас догоняет еще одна женщина постарше.

— Марина все же раньше в декрет уходит, — сообщает Валентине. — Сейчас на скорой увезли – угроза выкидыша.

— Да и не стоило ей на таком сроке работать.

— Только где взять нового технолога, — вздыхает женщина. — Надеюсь работа не встанет. У меня ремонт, мне премия нужна.

— Может и найдется технолог, — Лариса оборачивается ко мне и подмигивает.

Столовая оказывается светлой и уютной. Мы берём подносы, садимся за стол втроем. Суп с фрикадельками, гречка, свежий хлеб.

— Очень вкусно, — ничуть не кривлю душой.

— У нас теперь столовая — как в ресторане. Босс поста-

рался, — смеется Валя.

— Он вообще много что сделал, — добавляет Лариса. — И зарплату поднял, и условия улучшил.

— Да и в целом красавец такой, — мечтательно говорит Валентина.

— Ты хоть слюни подотри, раздается с соседнего стола язвительный голос.

— Лен тебе опять больше всех надо? — оборачивается к ней Лариса. — Чего лезешь в чужие разговоры?

— Может тогда орать на весь зал не надо?

— Лена, — отвечает Лариса, не повышая голоса. — Ты бы лучше занялась делом, а не чужим общением. А то у тебя производительность падает.

— Моя производительность тебя не касается, — фыркает Лена. — И вообще, подружку ты по блату притащила? Начальство этого не любит. Так что потопают отсюда твоя протеже еще до конца дня!

— Не дождёшься, — отвечает Лариса холодно. — Лучше не лезь к нам, Самсонова!

Лена открывает рот, но не находит слов. Отворачивается и утыкается в тарелку.

— Молодец, Ларис, — довольно кивает Валя. — Достала просто Самсонова! В каждой бочке затычка. Особенно как ее благоверный к другой ушел, — добавляет шепотом.

— Тшш, Валь, давай не будем ее провоцировать, — просит Лариса. — Эви ты просто не обращай на нее внимание и она

отстанет.

После обеда работа пошла чуть легче. Я начала привыкать к ритму, к гулу машин. Лариса ушла в свою лабораторию, Валя была все время рядом.

— Новенькая! — голос Галины Михайловны прозвучал как удар хлыста.

Сложив руки на груди, она смотрит на меня с раздражением.

— Да?

— Сходи в подсобку, принеси молоко, — кивает в сторону двери. — Вон там стоит фляга. Поставишь на верхнюю полку, в холодильник. Да поживее.

— Я помогу, — говорит Валя.

— Не надо, я справлюсь.

Иду куда велено, фляга оказывается достаточно тяжелой. И скользкой. Я действую максимально аккуратно. Осторожно несу ее в цех.

— Сюда, — начальница указывает на высокую металлическую полку у стены.

Свободна только верхняя полка. Я встаю на мыски. И в этот момент громкий хлопок заставляет меня дернуться. Теряю равновесие, фляга наклоняется и... Молоко льется прямо на меня. Липкая холодная волна течет по лицу, волосам и груди. Фляга выскальзывает из рук, я пытаюсь ее поймать и теряю равновесие.

Громкий хохот. Не только Лены. Ругань Галины Михайловны и причитания Валентины. Безумный стыд. Ну надо же так отличиться в первый же рабочий день! Возможно и последний.

— Ты понимаешь что за молоко придется заплатить? — холодно спрашивает Галина Михайловна.

Я стою перед ней на коленях, в луже молока, мокрая, грязная, дрожащая. Белый халат превратился в серую тряпку, волосы прилипли к лицу.

И в этот момент распахивается дверь.

— Что здесь происходит? — раздраженный мужской голос. — Алан Рамильевич, давайте позже зайдем. Рабочие моменты...

— Мне интересно услышать ответ на ваш вопрос, — прерывает мужчину второй. Голос спокойный и уверенный. А меня произнесенное вслух имя отчество наотмашь бьет.

Алан Рамильевич? Это невозможно...

Бывший партнер по бизнесу моего отца. Мужчина, которого я никогда не смогу забыть...

## Глава 4

Как можно было вот так его встретить?

Я много раз проигрывала в голове нашу встречу. Но такой точно не представляла! Такое унижение! Как же мне стыдно!

Потом мелькает спасительная мысль — может все же совпадение? Просто такое же имя-отчество, но это не *мой* Алан?

С надеждой поднимаю голову, и мое сердце пропускает удар, а потом начинает биться с такой силой, что я чувствую его в каждом ударе, в каждом сдавленном вдохе. Мир сужается до одной точки — до его лица, его глаз, в которых замечаю удивление, а потом...

Гнев? Узнавание?

Это он, тот самый Алан Каримов, нет никаких сомнений. Стоит в дверях цеха в белой рубашке, черных брюках, с непроницаемым лицом, рядом с ним — пожилой мужчина в строгом костюме, с крайне недовольным выражением лица. Внимание Алана приковано ко мне. Непонятно, узнал ли он меня. Только легкое напряжение пробегает по его скулам, темно-зеленые глаза сужаются на долю секунды.

— Алан Рамильевич, это все новенькая! — выкрикивает Галина Михайловна, подбегая к нему. — Её только сегодня оформили, а она оказалась непригодна! Такая неуклюжая! Целую флягу молока разлила! И это только первый

день! Сейчас отправлю ее в отдел кадров, нам такие не нужны!

— Это специально подстроили! — перебивает её Лариса, шагнув вперёд. — Я тогда тоже увольняюсь, если вы ее увольте!

— Да скатертью дорога! — возмущенно отвечает Галина Михайловна.

— Так, все замолчали! — рывкает спутник Каримова. — Алан Рамильевич, извините за этот инцидент. Я тут наведу порядок. Бабский коллектив, совсем распоясались. Надо будет — всех уволю! — добавляет громче.

В цехе повисает тишина. Я поднимаюсь на ноги из лужи молока. Рабочий халат облепляет тело. Обнимаю себя руками. Никогда не испытывала настолько пронзительного стыда.

— Галина Михайловна, — произносит Каримов холодно, и голос его звучит как сталь. — Немедленно наведите порядок в цехе.

— Да, да, конечно, Алан Рамильевич! Извините пожалуйста что так неловко получилось, — лепечет.

— Идем, Матвей Степанович.

— Конечно, дел еще полно. Извините уж. Бардак полный, — ворчит спутник Каримова. — Наведите тут порядок. Быстро. Чтобы я больше не слышал о происшествиях и разборках, — бросает Галине Михайловне и мужчины уходят.

Лариса подбегает ко мне.

— Идем в душевую. Приведешь себя в порядок, я новую сухую одежду принесу.

— Эй а кто убирать будет? — ехидно спрашивает Лена.  
— Че принцесса что ли, за тебя полы тереть?

Лариса ничего не отвечает, выводит меня за дверь. Я тем более молчу. У меня шок.

— Вот ведь гадины! Специально все сделали! Ну ничего, мы тоже в долгу не останемся! — выдает возмущенно подруга, пока тянет меня куда-то по коридору.

Я продолжаю оставаться в ступоре. Он видел меня. Узнал? Но не сказал ни слова. А чего я хотела-то? Я для него в лучшем случае — девчонка из прошлого. Неловкая, глупая и влюбленная. Он знал о моих чувствах. Но всячески их игнорировал, что было понятно. Он — компаньон моего отца. Меньше всего на свете Алану нужен был роман с дочкой главного босса. Да и в целом, наверное, не очень интересна я была ему. Но потом случилась та ночь. Вряд ли она что-то значила для Алана. Это я его так и не забыла... Не смогла.

Сейчас я для него лишь рядовая сотрудница. Неуклюжая. Но пожалел. Не уволил. Этому надо радоваться...

— Вот, проходи, — Лариса заводит меня в помещение. Тут шкафчики. Дальше — душевые кабины. — Раздевайся, а я сейчас новый халат принесу.

— У меня даже белье мокрое, — хмыкаю. — Ладно, застираю и мокрое надену.

— До конца смены три часа. Попробую отпросить тебя пораньше.

— Не надо. Да и вообще, видишь — уволить хотят. Невезучая я. А ты только пожалуйста, не говори больше что то же уйдешь. Не надо из-за меня! Еще тебе не хватало работу потерять.

— Никто тебя не уволит, Эви. Я не позволю, потому что это несправедливо. Ты ни в чем не виновата. И особенно в том, что Ленка — завистливая стерва и терпеть не может новеньких, если они симпатичные. Ничего больше! Остальные девочки хорошие. Правда. Как и то, что Ленка не нужна абсолютно боссу! Не интересна. Ну, я пошла!

Я остаюсь одна.

Распускаю волосы, распутываю их от резинки. Они в молоке, слипшиеся, тяжёлые. Надо бы помыть, но я даже не спросила у Ларисы про шампунь. Просто водой? Не расчесу потом. Волосы у меня густые, длинные, тёмно-русые, с рыжим отливом. Они всегда были моей гордостью. И сейчас они превратились в грязную паклю.

Хлопает дверь.

— Я забыла спросить про шампунь, — говорю я, поворачиваясь.

Но на пороге вместо подруги стоит... Алан.

Застываю. Сердце пропускает удар, а затем начинает биться так сильно, что я чувствую его в висках, в пальцах, в горле.

Каримов стоит в дверях душевой и пристально меня раз-

глядывает.

— Шампунь? — переспрашивает, и в голосе его звучит ледяная ирония. — Ты не изменилась, Эви. Считаешь, что на молзаводе должен быть полный пакет услуг для тебя лично? Может, поинтересуешься про хамам? Неплохо сходить после душа, не так ли?

Смотрю на него и ком в горле. Он всегда считал меня папиной принцессой. Избалованной. А я играла эту роль перед ним. Потому что думала, что он хочет меня такой видеть. Я была глупой и наивной. Алан — взрослым и язвительным. Но как же я его любила...

Совершенно бездумно. Отчаянно.

## Глава 5

— Мне кажется, это неподходящее место для разговора,  
— произношу я как можно спокойнее. — Я думала, подруга пришла.

— Ты ошиблась.

Уходить он похоже не собирается.

— Что тебе нужно, Алан? — спрашиваю с вызовом.

Он не отвечает. Просто стоит в дверях, загораживая проход, и смотрит на меня. Взгляд тяжелый, пристальный. Я чувствую его на своей коже — там, где халат прилип к мокрому телу.

— Шесть лет, — говорит он наконец, и голос его звучит низко, с хрипотцой. — Прошло шесть лет, Эви, не так ли? И вот ты появляешься у меня на заводе... Еще и так ярко, трагикомично. Как ты здесь оказалась? И для чего? Я слышал, ты вышла замуж и неплохо устроилась в этой жизни. Тебе точно нет нужды работать.

Смотрю на него, и слова застревают в горле. Злюсь на него! Откуда он знает, в чём у меня есть нужда, а в чём нет?! Я так сильно его любила! Не могла ни на кого другого смотреть. Брак, который устроил мне отец, был для меня пыткой. Ежеминутной. А теперь Каримов стоит и рассказывает мне, какая я беззаботная принцесса?

Он никогда не хотел видеть меня настоящей! Ему было просто не интересно! Хорошо, пусть и дальше продолжает так думать! Не хочу, чтобы он смотрел на меня такую как сейчас! Жалкую, дрожащую, беспомощную.

Алан делает шаг вперёд. Надвигается на меня. Я инстинктивно отступаю назад, но за спиной — стена. Мы оказываемся совсем близко. Он всё такой же красивый. Хотя нет. Он стал мощнее в плечах. Твердые скулы, прямой нос, тёмно-зелёные, болотные омуты глаз, которые я так и не смогла забыть... Смотрит на меня с прищуром. Злится? Скорее всего. Радости от моего появления точно не испытывает.

Взгляд Каримова перемещается чуть ниже, и тут я понимаю, что мои соски заострились и натянули мокрую ткань халата. Он прилип к мокрой коже. Холодный, облепил меня так плотно, что очертил каждую линию: плечи, изгиб талии, бедра. На груди ткань натянулась, и сквозь неё отчётливо, непристойно проступают соски. Заостренные. Твердые.

Он смотрит на них. Пялится откровенно и нагло. Воздух становится горячим. Я едва дышу. А он всё смотрит, и выражение его лица нечитаемо!

— Я понятия не имела, что это твой завод, — выдавливаю, и голос мой дрожит. — Я приехала к подруге. Она предложила работу. Если бы я знала, что ты владелец...

— То ни за что бы не пришла сюда? — договаривает он за меня, усмехаясь. Коротко, без тепла. — Ты всегда умела выбирать момент для эффектного появления. Стоять на ко-

лениях в молоке — это новый уровень, даже для тебя. Получилось очень ярко.

Мои щеки заливаются краской. Я чувствую, как горят уши, как внутри всё сжимается от стыда.

— Я не хотела, чтобы так вышло, — говорю, вздрагивая подбородок. — Так я уволена?

Все надежды рушатся. Мне так больно. От того, что не справилась. Снова судьба ткнула меня в мою собственную беспомощность. Стою перед мужчиной из своего прошлого: мокрая, грязная, с распущенными волосами. Кажется что хуже быть просто не может!

Он медленно переводит взгляд с моей груди на моё лицо. Я вижу, как он сжимает челюсти, как по его скулам пробегает напряжение. Он возбужден! Я вижу это. Он не может это скрыть, как ни пытается. И это откликается во мне. Между ног начинает тянуть — больно, сладко.

— Не стоило тебе сюда приезжать, — произносит он хрипло. Голос его звучит ниже, чем обычно, глубже. Я чувствую в нем странную хрипотцу.

— Это угроза?

Он поднимает на меня глаза, и я вижу в них не насмешку. Алан сейчас напряжен. Это похоже на голод. У меня внутри всё переворачивается. Я не могу ответить. Стою перед ним и дрожу.

Я замираю, не дыша.

— Я никуда не уеду, даже если уволишь? — получается

произнести шепотом.

Между нами вибрирует напряжение. Невыносимое...

И в этот момент дверь распахивается.

— Эви, я тебе шампунь принесла! — раздается звонкий голос Ларисы.

Она застывает на пороге, увидев Каримова.

— Алан Рамильевич? — её голос становится растерянным. — Что вы тут делаете... Просто это женская раздевалка...

— Эви заждалась шампунь, — бросает Каримов и резко выходит из помещения.

Мы остаёмся вдвоём. Лариса смотрит на меня округлившимися глазами и молча протягивает шампунь. Я беру его, и руки мои дрожат.

— Что это было? — тихо спрашивает подруга.

Я не могу ответить.

— Можно я потом расскажу? — спрашиваю почти с мольбой.

— Да, конечно...

## Глава 6

Мы едем домой в стареньком автобусе. За окном медленно темнеет, проносятся знакомые и незнакомые улицы посёлка. Лариса сидит рядом, молчит, иногда поглядывает на меня, но не задаёт вопросов. Я благодарна ей за это. У меня нет сил объяснять, что произошло в душевой. Но я не могу перестать думать, снова и снова проигрывать в голове сцену, как стояла перед мужчиной из своего прошлого — мокрая, грязная, с торчащими сосками...

Закрываю глаза, стискиваю зубы.

Я о сыне должна думать и о том, как выжить. И ни о чём больше.

Сначала мы заходим к Розе Гавриловне. Пашка выбегает на крыльцо с радостным криком, обнимает меня за ноги, тараторит про котят, про мальчишек, про то, как они играли в футбол.

— Мам, мне тут очень нравится. Мы построили шалаш, и я был командиром! А ещё... Мам, мы же не уедем отсюда? Мне тут очень нравится!

Я слушаю его и улыбаюсь. Я так рада, что ему тут хорошо. Что он не скучает по прошлой жизни. Не просится к отцу. Впрочем, неудивительно. Ренат едва замечал его. Очень холодно всегда относился. Как и мой отец.

Стыд и боль, которые остались после завода, начинают растворяться в голосе сына, в его теплых руках, которые сжимают мои ладони. Сажусь на корточки и обнимаю его.

— Ты такой молодец, любимый. Я очень рада, что ты хорошо провёл время.

— Мам, а можно я приду сюда завтра? — спрашивает Паша с надеждой.

Я поднимаю глаза на Ларису. Она улыбается и кивает.

— Роза Гавриловна сказала, что ты всегда можешь приходить.

— Конечно, — говорю я, глядя его по голове.

Ужинаем на кухне. Лариса достает из печки горячую картошку, солёные огурцы, хлеб. Просто, по-деревенски, но как же вкусно! Пашка ест с аппетитом, рассказывает еще что-то про котят, про их мальчишеские забавы. Я прошу его быть аккуратнее.

После ужина мы выходим на крыльцо. Вечер тёплый, небо на западе еще светло-розовое, но с другой стороны уже появляются первые звёзды. Лариса ставит на перила две кружки с чаем, садится рядом, вытянув ноги. Я опускаюсь на ступеньку, обхватываю колени руками и смотрю вдаль.

Пахнет мокрой травой. Где-то лают собаки, и я слышу, как Зевс отвечает им басовитым лаем из своей будки.

— Красиво у тебя здесь, — говорю тихо.

— Да, — соглашается Лариса. — По молодости я мечтала, что в город перееду, а теперь уж и не хочу никуда. Здесь

воздух, природа.

Мы молчим. Тишина не давит. Она уютная, теплая.

— Ты не хочешь мне рассказать, что такое между тобой и Каримовым? — спрашивает Лариса осторожно. — Он так на тебя смотрел...

Внутри всё сжимается от воспоминаний.

«Не стоило тебе сюда приезжать».

— Я не знаю, с чего начать, — говорю я. — Это сложно.

— Начни с начала, — предлагает подруга.

Делаю глоток чая. Он горчит и пахнет мятой.

— Да нечего рассказывать, Ларис. Алан работал на моего отца. Меня считал избалованной принцессой и всегда недолюбливал. Очень удивился, что я делаю на его заводе. Наверное, завтра он меня уволит.

— Да уж, — кивает Лариса. — Твой отец в наших краях не пользовался любовью. Его боялись и не любили. Но Алан другой. И он не станет судить о тебе по твоему отцу.

— Кто знает, — качаю головой. — Они плохо расстались, со скандалом. Это всё, что помню.

Я лгунья. Но о самом сокровенном не готова сейчас говорить.

— Ладно, мы сами завтра всё выясним, — Лариса смотрит на меня внимательно. — И моя ставка — не станет он тебя увольнять. Не за что. Ты не виновата в инциденте с молоком.

— Я была влюблена в него, — признаюсь тихо. Неожиданно для самой себя. — Глупо. Он был старше, он был партнё-

ром отца, и он смотрел на меня сверху вниз. Как на ребенка. Как на папину принцессу. Он думал, что я избалованная, капризная, что просто забавляюсь...

— Ох, милая, я сразу так и подумала. В душевой прямо воздух искрил. Ну и дела...

— Это всё были лишь глупые мечты. Потом отец выдал меня замуж.

Тишина становится плотной, как стена. Я чувствую, как по щеке скатывается слеза, и быстро вытираю её ладонью.

— Даже если он не выгонит меня, Ларис... Я не знаю, как работать на него. И эти Лена, Галина...

— Да плевать на них! Кто они такие! И ты так просто хочешь сдать?

— А что мне остаётся? Алан сказал мне: «Не стоило тебе сюда приезжать». Он не хочет меня видеть.

— Не хочет? — Лариса усмехается. — Ты видела, как он на тебя смотрел? Я видела, Эви. Не хочет он, угу! — фыркает подруга.

— Я не знаю, что мне делать, — шепчу.

Она протягивает руку и сжимает мою ладонь.

— Я буду рядом, что бы ни случилось, Эви. А случиться может не только плохое. Но и хорошее.

## Глава 7

Следующие рабочие дни протекают на удивление спокойно.

Меня больше никто не цепляет, хотя Галина Михайловна остается строгой, а Лена продолжает бросать в мою сторону неприязненные взгляды. Но они уже не ранят так сильно. Я учусь не замечать их, сосредотачиваясь на работе.

И работа, к моему удивлению, у меня получается всё лучше. Руки привыкают к упаковке, глаза — к бесконечным рядам творожных коробок. Я больше не путаюсь в движениях, не роняю продукты, не сбиваюсь с ритма.

Пашка тоже осваивается. Он бежит к Розе Гавриловне каждое утро, играет с ее внуками. Впервые в его жизни у него появляются друзья. Потому что в той, прежней жизни были сплошные занятия с репетиторами и разные кружки. Мой сынок был одиноким. Отец был с ним крайне строг. И теперь, когда Паша избавился от давления Рената, это становится совершенно другой ребёнок! Он возвращается домой счастливый и довольный. Открытый и эмоциональный. Паша не спрашивает про отца. Не хочет назад, хотя та наша жизнь была куда «богаче» материально. Но дети куда проще понимают, в чём главные жизненные ценности. Потому что не отравлены алчностью. И это становится самым большим

облегчением для меня.

Я устаю — да. Безусловно. Очень сильно. Но каждый вечер я ложусь спать почти счастливая, с мыслью, что, возможно, у нас всё получается. Что я смогу построить новую жизнь. Что не зря сбежала. Отец, а потом и муж вбивали мне в голову годами, что одна я ни на что не способна. Что без них сломаюсь. И я почти поверила. Но сейчас, стоя у конвейера, в простом халате, с руками, пахнущими молоком, я чувствую, что они ошибались. Я справляюсь.

Вот бы ещё забыть, что я работаю на мужчину, которого любила когда-то безумно.

Но это невозможно.

Сегодня, в обеденный перерыв, мы сидим на лавочке во дворе завода. День выдался теплым, почти летним. Солнце припекает, ветерок едва шевелит листву тополей, растущих вдоль забора. Чёрный джип заезжает на территорию, и Алан выходит в сопровождении Матвея Степановича и еще двоих мужчин в строгих костюмах. Сегодня Каримов в белых брюках и черной футболке, открывающей загорелые руки. Волосы слегка растрепаны, и он то и дело убирает падающую на лоб прядь резким движением руки. Черты лица расслаблены, он улыбается чему-то, что говорит ему Матвей Степанович.

Я невольно замираю.

Его сразу окружают работницы. Подходят с улыбками, здороваются, что-то спрашивают. Он отвечает, кивает, иногда касается плеча собеседницы. Я почти уверена, что ему

это нравится — быть центром внимания. Наслаждаться этим.

Наблюдаю из тени, прячась за спиной Ларисы. Ловлю каждую его эмоцию, каждый жест и пропускаю через себя, как настоящая мазохистка. Особенно когда к нему подходит Лена. Она стоит перед ним, поправляя волосы, и что-то говорит с улыбкой. Потом громко смеётся и касается его предплечья.

Внутри всё переворачивается. Я ненавижу себя за эту горечь! За чувство бессилия.

— Что случилось? — спрашивает Лариса, заметив, как сжимаю бутылку так, что пластик хрустит.

— Ничего, — отвожу взгляд. — Просто устала.

— Ты смотришь на босса, будто хочешь испепелить взглядом, — усмехается подруга. — Или раздеть.

— Прекрати, — бросаю резко, чувствуя, как щеки заливаются краской.

Это невыносимо! Весь коллектив пропитан восхищением главным боссом. В обеденный перерыв женщины обсуждают, какой он красивый, какой умный, какой щедрый. Лена, конечно, не упускает случая упомянуть, что «Алан Рамильевич сегодня на неё посмотрел» или «он ей улыбнулся». И я ничего не могу поделать с собой в эти моменты — внутри всё переворачивается от горечи.

Я никогда не считала Алана идеальным. Но когда-то давно он стал для меня целым миром. И хотя я знала его всего десять месяцев, пока отец не уволил его, эти месяцы оста-

лись со мной навсегда.

Восхищение всех этих женщин — естественно. Каримов привлекательный, к тому же свободный мужчина. А какая женщина не мечтает стать хоть на миг Золушкой и встретить принца? Безусловно, Каримов осознаёт свою сногшибательность.

Он уверен в себе, и это тоже своеобразный афродизиак. Даже обычный неприметный парень, если имеет стержень, становится объектом вожделения для женщин. Ну а когда прилагаются еще и внешность, интеллект, положение и деньги — это уже джекпот, устоять перед которым у слабого пола просто не остается шансов.

Такому можно простить всё. Может, в этом всё дело? Может, поэтому у меня не получается забыть его?

Алан для меня — и свет, и боль. В нем есть все, что делает мужчину желанным. Но также есть все, что делает мужчину опасным. Для него я когда-то была просто забавным приключением, дочкой его партнёра, с которой он однажды позволил себе развлечься.

Это ранит до сих пор. И я не собираюсь притворяться, что мне всё равно.

Но я также не собираюсь восхищаться и бегать за ним, как остальные. Как Леночка. Я уже сделала так однажды — и получила взамен боль. Не только. Но тем не менее.

Так что я остаюсь на своей лавочке. Наблюдаю, как он смеётся с другими. Сжимаю зубы и делаю вид, что мне всё рав-

но. Живу дальше. Потому что у меня есть ради кого. И я не позволяю прошлому сломать меня. Даже если это прошлое так прекрасно и так чертовски опасно.

Поднимаюсь. С меня достаточно на сегодня.

— Эви, ты куда? — спрашивает Лариса.

— Работать.

— А ну ладно, я сейчас тебя догоню. Только подойду к девочкам.

Киваю и направляюсь к двери в цех. Спину почему-то печет, словно кто-то смотрит на меня. Странное чувство.

Как мне перестать думать о нем? Почему, спустя столько лет, я все еще позволяю ему влиять на себя? Но одно я знаю точно: ни за что не позволю Каримову догадаться, что до сих пор равнодушна. Я должна быть сильной. Ради Пашки. Ради себя.

Захожу в прохладный полумрак цеха, прислоняюсь к стене и закрываю глаза. Позволяю себе выдохнуть.

Но в голове продолжает звучать смех Лены и снисходительно-флиртующий взгляд Каримова, обращенный к ней.

## Глава 8

Вечером, когда мы уже почти закончили ужинать, за окном раздаётся гул мотора. Лариса поднимает голову, прислушивается, и на её лице расцветает улыбка.

— Лешка приехал! — вскакивает и выбегает из-за стола.

Хлопает калитка, радостный смех подруги. Низкий, басовитый мужской голос.

— Дорогой, познакомься, это Эви, моя лучшая подруга! И ее сынок Павел.

Муж Ларисы – высокий, широкоплечий, с добрым, открытым лицом, тронутым лёгкой щетиной. Он выглядит строгим и надежным. Одет в камуфляжную одежду.

— Чтож, рад познакомиться. Лариса о вас рассказывала. Точнее, про парня не говорила. Только о вас, Эвелина.

— Так про Пашу я не знала, — говорит Лариса. — Сама была в шоке! Но теперь уж как родной он мне.

Я поднимаюсь, протягиваю руку:

— Очень приятно, Алексей. Лариса тоже мне много о вас рассказывала.

Мужчина пожимает мою ладонь. Его рука большая, мозолистая.

Паша смотрит на него робко.

— Ну а ты, молодой человек, как поживаешь? Нравится

тебе в наших краях?

— Да, очень! Тут очень классно!

— Любишь рыбалку?

— Я? — изумленно переспрашивает сынок.

— Идем улов покажу.

— А вы сами поймали?

— А ты как думаешь? — Алексей подмигивает. — Конечно, сам! Знаешь, какие у нас на реке окуни водятся? Если хочешь, можем вместе съездить. Лодка, удочки. Только подъем в пять утра. Сможешь?

— Конечно!

Паша поворачивается ко мне. В его глазах — целая вселенная надежды и восторга.

— Мам! Можно? Пожалуйста!

Я смотрю на Алексея. Он не выглядит опасным. Он выглядит как человек, который искренне хочет подарить мальчишке радость. Перевожу взгляд на Ларису.

— Ну конечно поезжайте, раз вам это интересно. Если Алексей не против тебя взять, — стараюсь улыбнуться, хотя внутри всё ещё теплится материнский страх.

— Против? Да я только за! — Алексей встаёт, треплет Пашу по голове. — У меня своих детей нет, может, хоть с твоим

порыбачу. Давно я не видел такого боевого парня. Пойдем, покажу тебе снасти.

Паша, не веря своему счастью, бежит за ним. Я смотрю им вслед и чувствую, как в груди разливается тепло. Алексей — такой простой, открытый. Совсем не похож на мужчин, которых я знала раньше. В нем нет жестокости, нет высокомерия.

— Переживаешь? — Лариса подходит ко мне, кладёт руку на плечо.

— Немного, — признаюсь я.

— Лешка очень ответственный, так что поверь мне, не о чем беспокоиться, — говорит Лариса, и в ее голосе столько гордости, что невольно улыбаюсь. — И детей очень любит. Жаль что у нас вот так... — она замолкает, на мгновение становится грустной, но тут же берёт себя в руки. — Ладно, что поделать раз не судьба нам с ним своих иметь. Но он принял это. И ни разу меня не упрекнул.

Я смотрю в окно, во дворе Алексей уже показывает Паше какие-то блестящие катушки, а Паша слушает его, раскрыв рот. И мне становится спокойно. К Зевсу сынок тоже привык уже, пес ходит за Лешей и Пашей по двору. Сынок гладит его, тот

виляет хвостом, тычется носом ему в плечо. Пашка обхватывает его за шею, смеётся. Кидает ему палку и Зевс приносит.

Лариса прослеживает за моим взглядом и улыбается.

— Смотри-ка, а в первый день боялся его до дрожи. Смелый пацан у тебя. Очень.

— Спасибо за все, — говорю тихо. — Я бы не справилась без тебя Ларис, ты знаешь.

Она обнимает меня, и мы стоим так, глядя в окно. Уже почти стемнело, а Паша всё не хочет отходить от Алексея и его удочек.

— Завтра утром, в пять часов, — голос Алексея разносится по двору. — Без опозданий, боец!

— Я приду! — Паша кричит так, что звенит в ушах.

После того как Пашка налюбовался снастями и с трудом оторвался от них, мужчины возвращаются в дом. Лариса кормит мужа борщом, потом ставит чайник. Пашка ложится спать а мы втроем выходим с кружками на крыльцо. Алексей приносит плед и укутывает жену, хотя вечер не холодный. Простая забота от которой у меня внутри что-то щемит. Потому что обо мне так никто не беспокоился. Меня всю жизнь только использовали. Так что ловлю себя на том что завидую

Ларисе. И мне не по себе от этого.

Сидим на ступеньках, глядя в темноту. Где-то стрекочут сверчки, из-за дома доносится басовитый вздох Зевса. Где-то вдали лает собака, ей отвечают ещё две, и тишина снова становится плотной и уютной.

Пашка уже крепко спит, готовясь к завтрашней рыбалке.

Алексей отпивает чай, смотрит на меня поверх кружки, потом переводит взгляд на Ларису. Она кивает ему, словно давая разрешение.

— Эви, — говорит он негромко. — Лариса рассказала мне про твой дом. Точнее про дом твоего деда.

— Да, — отвечаю я. — Мне бы хотелось узнать, кто его купил. Может, я смогу договориться. Снять, выкупить. Я не знаю, сколько это стоит, но я работаю.

— Ты можешь жить у нас, сколько захочешь, — перебивает меня Лариса, и голос её звучит решительно. — Я уже говорила тебе. И не начинай опять про «не хочу стеснять». Ты нас не стесняешь. Скажи ей, Леш.

— Это правда, — кивает мужчина. — Я часто на охоте, на рыбалке. Сопровождаю разные группы. Помогаю лесникам. Так что я рад что Ларисе не скучно.

— Но я не могу вечно... — пытаюсь возразить, но Алексей поднимает руку, останавливая меня.

Смотрю на него виновато. Я не знаю, сколько ещё смогу оставаться здесь, в этом уютном доме, где меня приняли как родную. Не хочу быть обузой.

— Подожди, — говорит он. — Я просто должен был тебе это сказать, иначе жена меня бы не простила. Оставайся сколько угодно. Пацан у тебя чудесный. Я прямо жду завтрашнего дня, — вздыхает. Ну а про дом деда узнаю. У меня есть знакомые в администрации. Поспрашиваю.

— Правда? — смотрю на него с надеждой. — Ты поможешь?

— Конечно, — он пожимает плечами, словно это само собой разумеется. — Ты же подруга моей жены. И если я могу чем-то помочь — помогу.

Лариса кладёт руку ему на колено и улыбается:

— Вот видишь, Эви. Не переживай. Мы всё решим.

## Глава 9

Дальше дни начинают пролетать стремительно. Помимо работы помогаю Ларисе на огороде, а еще — Розе Гавриловне. Надо же как-то отблагодарить старушку за то, что она присматривает за Пашей. Приносим ей с молзавода вкусоности — нам разрешают выкупать почти за бесценок некондиционную продукцию. К концу дня я без сил падаю в постель. Спина разламывается — работа в огороде оказалась тяжелее любого фитнеса. Но я не жалуясь. Привыкаю. Стараюсь изо всех сил.

В какой-то момент теряю счёт времени — дни сливаются в однообразную, но такую нужную для меня рутину. Подъём, завтрак, автобус, цех, упаковка, обед, снова упаковка, автобус, дом, ужин, сон. И так по кругу. И в этом круге есть что-то спасительное — не остаётся времени на рефлексию.

Алана я вижу издалека и очень редко. Привыкаю к тому, что он снова в поле моего зрения, но недостижимо далек. Ну что ж, раз такая судьба... Потом босс и вовсе уезжает в Москву по делам. Вдыхаю с облегчением и одновременно с горечью, которую не могу объяснить. Мне легче, когда его нет. Но в то же время его отсутствие отзывается в груди глухой, ноющей пустотой. Это мне очень не нравится. Он — прошлое. Чужой для меня человек. Убеждаю себя в этом снова

и снова, а глупое сердце не слушает.

Я много работаю. Старательно, до онемения в пальцах. Вцепилась в эту работу, как утопающий в спасательный круг. Она стала моей опорой, доказательством самой себе, что я могу. Что не сломаюсь. Что отец и муж ошибались.

Получаю свой первый аванс — небольшую сумму, от которой раньше я бы только усмехнулась, а сейчас чуть не расплакалась прямо в отделе кадров. Сжимаю купюры в кулаке, чувствуя, как они греют ладонь, и улыбаюсь Марине Николаевне так широко, что она удивлённо поднимает брови.

— Ну, с первой зарплатой тебя, — говорит мягко. — Хорошо работать будешь — премии у нас неплохие. Думаю, у тебя всё получится.

Дома отдаю половину Ларисе, несмотря на все её протесты.

— Ты что, с ума сошла? — возмущается она. — Прекрати сейчас же!

— Пожалуйста, Ларис, — говорю твёрдо. — Я не могу сидеть на твоей шее вечно. Это на продукты, — сую деньги ей в руки. — Или обижусь.

Подруга вздыхает, качает головой, а я чувствую себя почти счастливой. Впервые за долгое время.

\*\*\*

К концу недели Лариса сильно простудилась. Температура, кашель, голос хриплый, лицо бледное. Ухаживаю за ней,

пою отваром, который дала Роза Гавриловна.

— Пашку у соседки оставь, как с рыбалки вернётся, — говорит она, кашляя. — А то заражу ещё. Он только недавно поправился.

— Хорошо, ты главное не волнуйся. Он только рад будет, с друзьями на ночевку давно просился. Пей пожалуйста. Роза Гавриловна сказала, что этот отвар чудодейственный.

— Спасибо ей, — Лариса отпивает, морщится, но пьет. — Как с ребенком со мной возишься. А ведь устала небось. И обед на тебе, и уборка, завтра на работу...

— Ничего страшного. Главное, чтобы ты поправилась.

— Да всё в порядке со мной, — отмахивается, но голос срывается на кашель.

Укрываю ее пледом и возвращаюсь к домашним делам. На следующий день отправляюсь на работу одна.

— Ты справишься? — спрашивает Лариса, глядя на меня воспаленными глазами.

— Ну конечно, ты во мне сомневаешься? — отвечаю бодро, хотя внутри всё сжимается.

— В тебе — нет. Лишь бы никто не доставал.

\*\*\*

На следующий день Ларисе становится чуть лучше, к моему огромному облегчению. Она даже порывается пойти на работу, но я очень твердо убеждаю её остаться. Выздороветь как следует. Заверяю, что со всем справлюсь.

Но Лена, видимо, только и ждала этого момента.

Она подходит ко мне в середине дня, когда я упаковываю творог, и громко, на весь цех, объявляет:

— О, смотрите, наша новая принцесса сегодня без охраны. Где твоя подружка? Неужели устала тебя нянчить?

Сжимаю зубы и заставляю себя промолчать. Не обращать внимания. Не давать ей повода. Продолжаю работать, но руки дрожат.

Лена не унимается. Весь день она ходит за мной, придираясь к каждой мелочи: коробки не так сложены, упаковка недостаточно ровная. Наблюдаю как она подходит к Галине Михайловне, что-то шепчет, и та хмурится, но пока ничего не говорит.

А потом у Лены пропадает кошелек.

Она закатывает истерику на весь цех:

— Я знаю, кто взял! Конечно, новенькая! Раньше у нас такого не было, пока она не появилась!

Чувствую, как кровь отливает от лица.

— Я не брала твой кошелек, — мой голос невольно ломается.

— А кто тогда? — Лена подсакивает ко мне. — Ты здесь всего ничего, а уже ведешь себя как начальница. И я слышала, как ты обсуждала, что тебе деньги нужны, что ты как приживалка у подруги ютишься!

По цеху проносится шепот. Женщины переглядываются, и я вижу, как некоторые отводят взгляды. Кто-то смотрит с жалостью, кто-то — с подозрением.

— Я ничего не брала, — повторяю я. — Лучше посмотри как следует у себя.

Внутри всё сжимается. Это так стыдно, унижительно. Все смотрят на меня.

— Соболева, — раздается резкий голос Галины Михайловны. — Иди за мной. Быстро.

Следую за ней, сердце колотится в горле.

В кабинете душно. Галина Михайловна закрывает дверь, открывает окно, садится за стол и сверлит меня ледяным взглядом.

— Соболева, — начинает она, барабанила пальцами по столу. — Если бы ты знала, как я устала от тебя. Почему тебе не работается в коллективе спокойно?

— Я не брала кошелек, — смотрю ей прямо в глаза. — Мне не нужны чужие деньги. Я пришла сюда работать, а не воровать.

— Работать? — усмехается она. — Ты здесь работаешь? Ты только и делаешь, что создаешь проблемы. То молоко разлила, теперь воровство. И Лена сказала правду — ты бездомная. Мне неинтересно, как так получилось, но ты создаешь проблемы мне. Короче, пиши заявление по собственному. Иначе я вызываю полицию.

Внутри всё обрывается. Полиция. Если вызовут полицию, Ренат может найти меня...

— Моя личная жизнь не касается работы, — ком в горле растет. Вот-вот разрываюсь. — Я пришла работать. Я ни у

кого ничего не брала, ни разу в жизни!

— Почему ты думаешь, что я вот так тебе поверю? — Галина Михайловна наклоняется вперед, и её глаза сужаются. — У нас тут коллектив хороший, дружный, все друг друга знают. А ты — чужая. И ты уже второй раз создаешь скандал. Я могу уволить тебя прямо сейчас, указать причину! Тебе оно надо? Я даю тебе шанс, Соболева, уйти тихо, по собственному! Пиши заявление.

Она бросает на стол бланк, и я замечаю, что он уже лежал у нее под рукой.

В груди разрастается холодная пустота. Очевидно что все спланировано. Может даже не только этими склочницами, но и Алан в курсе. Я не нужна ему тут. И это больно. Хотя чего я ожидала? Он ненавидит моего отца!

Все только начало налаживаться. Я думала, что скоро съеду от Ларисы. Сниму дом деда. Буду строить свою жизнь с сыном... И вот все в момент рушится из-за надуманного обвинения. Куда я пойду? Как я буду кормить Пашку?

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Я не могу сдаться. Я не могу позволить сломать меня.

— Галина Михайловна, повторяю вам, я не брала кошелёк. Клянусь! Мне правда очень нужна работа. Я готова, чтобы меня обыскали. Пусть проверят мои вещи. Пожалуйста. Только не увольняйте меня.

— Ты тратишь моё время, Соболева! — психует. — Я не собираюсь проводить расследование из-за тебя. Пиши заяв-

ление, и не создавай проблем.

Смотрю на бланк. Беру ручку. Пальцы дрожат.

Хочется крикнуть изо всех сил, что меня подставили, что я невиновна. Но слова застревают в горле.

Я понимаю, что не могу позволить себе, чтобы вызвали полицию.

Киваю и начинаю писать.

И в этот момент дверь кабинета распахивается...

## Глава 10

Я не сразу понимаю, кто вошёл. Слышу только голос — низкий, спокойный, от которого у меня перехватывает дыхание:

— Галина Михайловна, объясните, что здесь происходит.

— Алан Рамильевич?! — начальница резко вскакивает. Она явно испугана. Но мне совершенно не до её эмоций — я переживаю о себе. Мало мне унижительного увольнения, но то, что сейчас Алану расскажут, будто я воровка — ужаснее просто быть не может! Лучше бы я сразу написала заявление по собственному. Но сейчас уже поздно.

— Мне сказали, опять в цехе происходит скандал, — произносит недовольно. — Что на этот раз? Я не понимаю, Галина Михайловна, вы не справляетесь со своими обязанностями? Может быть, тогда мне найти новую начальницу цеха?

— Ну что вы, Алан Рамильевич! — восклицает женщина заискивающе. — Никакого скандала, что вы. Просто небольшой инцидент. Все уже разрешилось. Идите, Соболева. Вернитесь к работе.

Я уже собираюсь встать, но Алан подходит и вытаскивает из-под моей руки бланк, где я наполовину уже успела написать заявление по собственному.

— Галина Михайловна, вы издеваетесь? Девушка у вас заявление пишет, но при этом вы ее работать отправляете? Объясните в чем дело. Мне из вас выбивать правду?

— Да нет, ничего такого, просто я подумала и решила дать еще шанс новенькой. Ну зачем ей увольняться? Ребенок же у нее. Работа нужна.

— У тебя есть ребенок? — Алан впивается в меня глазами.

Я хочу сквозь землю провалиться!

— Можно я пойду? — нет сил больше на противостояние. Ни с ней, ни с ним. Я правда больше не могу! Чувствую, что сейчас разрыдаюсь. Не из жалости к себе, хотя и это тоже причина. Но больше всего от того, что меня всё достало!

— Галина Михайловна, я освобождаю вас от обязанностей управляющей отделом, — бросает Алан равнодушно. — Покиньте кабинет. Вещи заберете позже. Теперь вы снова рядовой сотрудник цеха.

Лицо женщины становится бледным, как полотно. Она не пытается спорить. Я бы на ее месте тоже не стала – слишком безапелляционный тон у Каримова. Проходит мимо меня, пошатываясь, и даже не смотрит в мою сторону. Ни капли радости от поверженной противницы я не чувствую. наоборот, понимаю, что она будет мстить. Раньше она цеплялась ко мне без повода. Теперь — еще какой имеется.

Мы остаемся с Каримовым в кабинете вдвоем. Я продолжаю стоять возле двери. Мужской взгляд скользит по моей

фигуре, задерживается на бедрах, и мне хочется прикрыться, хотя я в одежде.

— Итак, расскажешь, почему писала заявление? — спрашивает.

— Это очень неприятная история. У одной из работниц пропал кошелек. Решили, что это я, — объясняю максимально коротко.

— Какие странные причуды судьбы, да? Ты была принцессой, а теперь упаковываешь творог и работаешь на меня.

— Угу, еще и в воровстве обвиняют. Тебе проще уволить меня, чем весь коллектив.

— Думаешь? Советуешь так поступить? — спрашивает Алан задумчиво.

— Мне нужна работа. Я не стану советовать. Но это правда. Меня невзлюбили.

— Ну, не все. Лариса Матвеева за тебя горой. Мне позвонила, сообщила, что снова заговор. Очень просила разобраться.

— Лариса? — переспрашиваю, сжимая ладонью шею. Моя дорогая подруга. Мой ангел-хранитель! Но как она узнала? Наверное, ей позвонила Валентина...

Алан внимательно смотрит на меня.

— Не выношу манипуляций. Если решу тебя уволить — сделаю это по собственному желанию. Почему ты сбежала из дома, Эви? Чем муж не угодил? — задает неожиданный вопрос.

— Это не входит в мои обязанности — открывать перед тобой душу! — заявляю я с вызовом.

Наверное, это не очень умный поступок — дерзить начальству, но во мне не вовремя просыпается прошлая «принцесса». Тогда, много лет назад, я вела себя с ним дерзко, и за это он меня недолюбливал, не понимая, естественно, что это была лишь защитная реакция.

— Верно, — кивает он. — Не обязана. Можешь вернуться к работе, — добавляет отрывисто.

И тут наше уединение неожиданно прерывается.

— Алан! Я повсюду тебя ищу! Мы же договорились пообедать вместе! — в дверях кабинета появляется красивая девушка. Явно не из сотрудников завода. Я никогда прежде её не видела.

Она врывается в пространство без стука, будто ей это позволено по праву. Ей около двадцати пяти, не больше. Яркая, ухоженная, платиновая блондинка с идеальной укладкой. Волосы струятся по плечам тяжелыми локонами, каждый волосок лежит так, словно его укладывал целый штат стилистов. На ней красное платье — короткое, облегающее, с глубоким вырезом, открывающее стройные загорелые ноги и тонкую талию. Туфли на шпильке, сумочка от люксового бренда. Макияж безупречный — стрелки, накрашенные ресницы, яркая помада, подчеркивающая пухлые губы. Помещение заполняет запах ее дорогих духов: терпких, сладких, с восточными нотками.

Она улыбается Алану собственнически.

— Я занят, Каролина, — а вот он радостным от встречи не выглядит.

— Ох, прости, — девушка переводит взгляд на меня, словно только заметила, что Каримов не один. Скользит по моей фигуре, по халату, лицу, на котором засохли дорожки слез. Ее немного презрительный взгляд говорит: «А это еще кто?»

Она подходит к Алану, кладет ладонь на его руку. Жест собственности, который я понимаю слишком хорошо. Она — из его мира. Где деньги, статус, власть. Где женщины умеют одеваться и улыбаться. Я когда-то тоже принадлежала к нему. Но не нашла в этом счастья ни грамма.

А теперь я бездомная мать одиночка.

— Хорошо, идём, — говорит Алан, и в его голосе слышится лёгкое раздражение. — Соболева, вернитесь к работе.

Парочка уходит, а я не могу сдвинуться с места. Так и стою. Внутри разрастается холодная пустота. Я же не думала, что такой красивый и богатый мужчина, как Алан, — одинок? Нет, конечно, не думала. Тогда почему сейчас так больно?

# Глава 11

Я выхожу из кабинета, и ноги подкашиваются. Прислоняюсь к стене на секунду, закрываю глаза, чувствуя, как в груди бьется сердце — слишком быстро, слишком громко. Делаю глубокий вдох, потом еще один. Иду в цех, стараясь, чтобы никто не заметил, как дрожат мои руки.

Меня встречают взглядами. Кто-то смотрит сочувственно, кто-то с любопытством, кто-то отводит глаза, будто я прокаженная. Галины Михайловны не видно. Лена стоит у своего стола, бледная и притихшая. Она не смотрит в мою сторону, но я чувствую, как она напряжена. Прохожу мимо, не останавливаясь, и подхожу к своему месту.

Беру коробку, ставлю на стол. Руки дрожат. Сжимаю зубы, впиваюсь ногтями в ладони. Я не позволю им сломать меня. Я буду работать. Я выживу. Сейчас это — единственное, что я умею.

Но внутри всё кипит. От обиды, от несправедливости, от того, что меня снова пытаются унижить, растоптать, вышвырнуть. Я знаю, что Лена не успокоится. Она будет искать новые способы, новые подставы. Она не простит мне, что я не

ушла, что я осталась, что я посмела противостоять.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.